

УДК 811.512.31

DOI: 10.22162/2500-1523-2020-4-644-651

О расширении круга модальной лексики в разговорном бурятском языке: функционально-модальные слова

Полина Петровна Дамбуева¹

¹ Институт языкознания РАН (д. 1, стр. 1, Большой Кисловский переулок, 125009 Москва, Российская Федерация)

доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник

 0000-0003-1948-7149. E-mail: polina-dambueva@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2020

© Дамбуева П. П., 2020

Аннотация. *Введение.* Модальность присутствует в любом языке на уровне слова, словосочетания, предложения. В свете сказанного нет ничего неожиданного в том, что средства её выражения можно наблюдать на самых разных ярусах языка: модальность выражается на синтаксическом, морфологическом, лексическом, фонетическом уровнях; очень часто морфологические, синтаксические и другие средства выступают комбинированно. Несмотря на очевидную универсальность данного явления, проблема модальности в монголоведении еще не получила своего полного описания, а литература о модальных и функционально-модальных словах в частности очень ограничена. *Цель.* В статье поднимается вопрос о лексических единицах — существительных, прилагательных, наречиях, выполняющих в некоторых условиях функции модальных слов в силу их склонности к развитию вторичных употреблений, в частности, функцию модальных слов, усиливающих, подчеркивающих определенный отрезок высказывания. *Результаты.* Функционально-модальные слова, имея разные формально-морфологические признаки и свои первичные лексические значения, из-за заложенного в их семантике эмоционально-экспрессивного оттенка могут в сообщении, наряду с модальными словами, выражать их общее грамматическое значение — отношение (разноаспектное) говорящего к содержанию своего высказывания или его части. Рассмотренные функционально-модальные слова не отличаются от своих «собратьев» по лексико-грамматическому разряду, но эпизодические утраты лексического значения в связи с выполнением функции модального слова привлекают к ним внимание как явление, знаменующее собой возможное начало затемнения лексического значения и последующих деривационных процессов — лексикализации, транспозиции, перехода из одной части речи в другую. Касается автор и принципиального теоретического вопроса о включении / невключении в категорию модальности эмоционально-экспрессивных значений, которые многие исследователи исключают из названной категории, объясняя это тем, что они не выражают логико-рассудочную квалификацию содержания высказывания. Языковой материал, как представляется автору, сопротивляется делению высказываний на логико-рассудочные и эмоционально-экспрессивные, так

как во многих случаях даже в рамках одного слова эти два аспекта предстают в неразрывном единстве.

Ключевые слова: категория, модальность, модальные значения, объективная модальность, субъективная модальность, модальные слова, функционально-модальные слова

Благодарность. Настоящее исследование выполнено при поддержке РФФИ в рамках научных проектов № 19-512-44017 «Структурно-вероятностная интегральная модель монгольских языков» и № 18-012-00611 «Структурно-вероятностная морфология монгольских языков». Материалы статьи апробированы на Международной научной онлайн-конференции «Монголоведение в начале XXI в.: современное состояние и перспективы развития – II», проведенной при финансовой поддержке РФФИ (проект № 20-09-22004) и частичной поддержке гранта Правительства РФ (№ 075-15-2019-1879).

Для цитирования: Дамбуева П. П. Расширение круга модальных слов в разговорном бурятском языке: Функционально-модальные слова // Монголоведение. 2020. Т. 12. № 4. С. 644–651. DOI: 10.22162/2500-1523-2020-4-644-651

UDC 811.512.31

DOI: 10.22162/2500-1523-2020-4-644-651

Expanded Modal Vocabulary of Spoken Buryat Revisited: Functional-Modal Words

*Polina P. Dambueva*¹

¹ Institute of Linguistics of the RAS (1/1, Bolshoi Kislovsky Lane, Moscow 125009, Russian Federation)

Dr. Sc. (Philology), Leading Research Associate

 0000-0003-1948-7149. E-mail: polina-dambueva@mail.ru

© KalmSC RAS, 2020

© Dambueva P. P., 2020

Abstract. *Introduction.* Modality is present in any language at the level of words, phrases, sentences. In this regard, it is not unexpected, that the means of its expression can be observed at most different levels of the language: modality is expressed at the syntactic, morphological, lexical, phonetic levels; very often morphological, syntactic and other means are combined. And, nevertheless, despite the obvious prevalence and universality of this phenomenon, the problem of modality has not yet received its full description, and the literature on modality, functional-modal words in particular, is very limited. *Goals.* The article raises the question of lexical units — nouns, adjectives, adverbs, which in some conditions perform the functions of modal words due to their tendency to develop secondary uses, in particular, the function of modal words, that reinforce, emphasize a certain segment of a statement. *Results.* Functional-modal words, having different formal-morphological features and their primary lexical meanings, due to the emotional-expressive connotation inherent in their semantics, can in the message, along with modal words, express their general grammatical meaning - the speaker's (multi-aspect) attitude to the content your statement or part of it. The considered functional-modal words do not differ from their 'brothers' in the lexical and grammatical category, but episodic losses of lexical meaning in connection with the performance of the function of the modal word draw attention to them as a phenomenon, that signifies the possible beginning

of obscuring the lexical meaning and subsequent derivational processes — lexicalization, transposition, transition from one part of speech to another. The paper also touches upon the fundamental theoretical issue of including / excluding emotional-expressive meanings in the modality category, which many researchers exclude from the named category, explaining that they do not express the logical-rational qualification of the content of the utterance. The linguistic material, as it seems to the author, resists the division of statements into logical-rational and emotional-expressive, since in many cases, even within the framework of one word, these two aspects appear in an inseparable unity.

Keywords: category, modality, modal meanings, objective modality, subjective modality, modal words, functional-modal words

Acknowledgements. The reported study was funded by RFBR, project no. 19-512-44017 ‘Structural Probabilistic Integral Model of Mongolic Languages’ and project no. 18-012-00611 ‘Structural Probabilistic Morphology of Mongolic Languages’. The article was presented at the International scientific online conference ‘Mongolian Studies at the Beginning of the 21st Century: Current State and Development Prospects – II’ funded by RFBR (project no. 20-09-22004) and Government of Russia (grant no. 075-15-2019-1879).

For citation: Dambueva P. P. Expanded Modal Vocabulary of Spoken Buryat Revisited: Functional-Modal Words. *Mongolian Studies (Elista)*. 2020. Vol. 12. No. 4. Pp. 644–651. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2020-4-644-651

Модальность — языковая универсалия, обнаруживающаяся на всех ярусах языка, но, несмотря на распространенность этого слова в лингвистической литературе, термин «модальные слова» остаётся «привычным незнакомцем»: в русской грамматике модальность рассматривается в связи с синтаксическим явлением вводности [Русская грамматика, 2 1980: 215], в общей классификации частей речи разряд модальных слов отсутствует [Русская грамматика, 2 1980: 457–458], в школьной программе их также традиционно нет, хотя в вузовских учебниках утверждение об их существовании как особой части речи является вполне устоявшимся, а в исследованиях морфологического статуса модальных слов недостатка нет (см. например: [Панков 2003; Калягина 2015; и др.]). В монголоведении описание модальных слов фрагментарно, так как они рассматриваются на общем фоне категории модальности, которая, как известно, включает в себя широкий круг языковых явлений [Пюрбеев 1981; Мөнх-Амгалан 1998; Мулаева 2006]. Несмотря на то, что стандартизация языковых форм, выражающих метатекстовое значение, развивается, в работах по модальности не наблюдается единого метаязыка описания из-за отсутствия терминологического согласия [Nuyts, van der Auwera 2016: 28].

Список модальных слов, употребляемых в литературном бурятском языке, как показывает работа методом сплошной выборки со словарями, невелик и представляется как достаточно закрытый. Модальное слово *яажашье*, например, выражает значение необходимости, *илангаяа* — подчеркивания, выделения какого-либо участка высказывания, *нээрээ, үнэхөөрөө, лаб, лабтай* — уверенности, *магад, магадгүй* — неуверенности, *угайдхадаа* вводит значение уступки, сожаления. Выделяют также ряд однотипных модальных слов: *хэрэгтэй, зэргэтэй, аргатай, ханаатай, таамтай, назаатай, хэбэртэй, янзатай, ёһотой, гээшэлтэй, баатай, ушартай, түхэлтэй*. *Аргатай* всегда выражает возможность совершить действие, а *ёһотой, хэрэгтэй, ушартай, зэргэтэй* вы-

ражают значение необходимости, долженствования. Например: *Энээндэ бидэ хоёр этигэлхэ ёһотойбди* ‘Этому человеку мы должны верить’.

Значение уверенного утверждения в предложении вносит модальное слово *лаб (лабтай)*: *Тэрэи лабтай эндэ байха* ‘Он точно будет здесь’; *Хулгайшадай муртэ гараһанаа би лаб ойлгобоб* ‘Я точно знал, что вышел на след похитителей’.

Значение предположения, догадки выражают сочетания, состоящие из причастия основного глагола и одного из таких модальных слов, как *түхэлтэй, хэбэртэй, янзатай, назаатай, бололтой*, имеющие значение «пожалуй», «кажется», «должно быть», «по-видимому» соответственно.

С точки зрения происхождения перечисленные слова на *-тай / -тэй* являются, вероятно, именами *ёһо, һанаан, хэрэг, зэргэ, арга* и т. д., застывшими в совместном падеже. Слово *бололтой* З. В. Шевернина рассматривала как модальное слово, образованное, возможно, от глагольной формы на *-лтай* со значением возможности, допустимости действия [Шевернина 1980: 83], с чем трудно не согласиться.

Причиной образования подобных слов в разных языках, как отмечает А. А. Шахматов, «является постоянное зависимое положение некоторых лексических средств в составе предложения» [Шахматов 1941: 36]. Что касается происхождения названных модальных слов, то нетрудно заметить, что они образовались от имен, в семантике которых заложены модальные значения.

Примечательно, что в русском языке этот процесс довольно продуктивен. Слова с внутренней экспрессией привлекаются говорящим для воздействия на собеседника, т. е. выступают в качестве функционально-модальных слов, что впоследствии может превратиться в тенденцию перехода знаменательных слов в модальные.

Так, существительные *ужас, страсть*, служащие в отдельных примерах для выражения высокой степени удивления, чувства страха, выполняют роль модальных слов: *У Змея в этом саду огромные птицы сидят. Страсть огромные. Загубил Змей людей — ужас* [Верхоленские сказки 1938: 49].

В бурятском языке чрезвычайно много слов, которые из-за экспрессивно-эмоциональной окраски (подобно описанным выше словам *ужас* и *страсть* в русском языке) стали употребляться в значении «очень», «совсем», «вовсе», «совершенно», «исключительно» и тем самым служат для передачи субъективной модальности, т. е. выражают стремление говорящего выделить (акцентировать, подчеркнуть) что-либо в сообщении, усилить какую-то часть заключенной в нем информации. Все эти слова имеют особое значение выделенности из общего ряда, вытекающее из сравнения с усредненной мерой данного качества (неким конвенциональным представлением).

Таковы слова, содержащие в своей семантике способность давать предметам качественную характеристику, преимущественно прилагательные и наречия: *превосходный, чудесный, замечательный, грязный, уродливый, ужасный; красиво, ярко, страшно, позорно, тяжело* и т. д. Наблюдения над устной речью бурят дают очень обширный материал. Рассмотрим некоторые случаи.

Так, прилагательное *бүтүү* имеет значение «глухой, непролазный, дремучий»: *бүтүү манан* ‘непроглядный туман’, *бүтүү ой тайга* ‘глухая, дрему-

чая тайга'. Из-за высокой степени проявления признака *бүтүү* используется в разговорной практике в значении «очень», «совсем»: *бүтүү харлажа хууна* 'сидит очень мрачный'; *бүтүү даараад байнам* 'Я совершенно замерз'.

Бузар 'грязный, нечистый, мерзкий'. Из-за внутренней экспрессии слово это часто употребляется в значении «очень»: *бузар олон* 'очень много', *бузар томо* 'очень большой', *бузар хайн* 'очень хороший', *бузар гоё* 'очень красивый'. Ср. с русским *ужасно*: *ужасно большой, ужасно хорошенький* в значении высшего проявления признака.

То же самое **булай** 'мерзкий, гнусный', 'беда'. Используется в значении «чрезмерно, очень, чересчур»: *булай бэрхэ* 'очень умелый'.

Ехэ 'большой, крупный, важный'; 'взрослый'; 'много'. Слово *ехэ* часто употребляется в значении «очень»: *ехэ хайн хун* 'очень хороший человек'; *ехэ тургэн* 'очень быстрый' ('очень горячий' — о человеке). Этот процесс иногда доходит до слияния подобных словосочетаний в одном значении: *ехээр айма* 'ужас', *ехээр гоёшоолго* (или *ехээр хайхашаалга*) 'восхищение'. Иногда для усиления эмоционального воздействия на слушателя привлекаются существительные в роли сравнения: *буха ехэ хүүргэ* 'большой, как бык, мост' (досл. 'бык большой мост'); *далай ехэ жаргал* 'большое, как море, счастье' (досл. 'море большое счастье'); *хүрэг ехэ мүнгэ зөөри* 'громадные, как стада, богатства' (досл. 'стадо много богатство'). Иногда существительные, взятые для сравнения, употребляются самостоятельно (первый шаг к лексическому сдвигу):

— Сколько купил тетрадей?

— Море.

Айхабтар 'страшный, ужасный', происходит от глагола *ай-* 'бояться'. Как и предыдущие, это слово по своей семантике «обречено» выражать значение «очень»: *айхабтар гоё* 'очень красивый' (или 'очень хорошенький').

Зориг 'желание, намерение, смелость, сила воли'. Значение «очень» выражает с помощью частицы *-гуй*: *зориггуй муу* 'очень плохой'; *зориггуй хайн* 'очень хороший'.

Аймшагтай 'страшный, ужасный, жуткий, грозный'. *Аймшагтай душа* 'очень горластый' (петух); *аймшагтай үнэтэй* 'очень дорогостоящий'.

Хүрхэй 'прекрасный, чудесный': *хүрхэй хүгжэм* 'чарующая музыка'. В речи может использоваться в роли усилительной частицы: *хүрхэй ехээр баярлах* 'исключительно сильно радоваться'; *хүрхэй ехэ ажаллах* 'исключительно много трудиться'.

Зутар 'грязный, злостный'. Встречается: *зутар муу зан* 'очень плохой характер'; *зутар хайн* 'очень хороший'.

Нөөл 'замечательный': *нөөл морин* 'замечательный конь'. Употребляется для усиления характеристики предмета: *нөөл ехэ* 'чрезвычайно большой'; *нөөл ехэ соолго* 'гигантская прорубь'; *нөөл эртэ* 'очень рано'.

Муухай 'уродливый, некрасивый, грязный, неблагоприятный'. В речи встречается: *муухай ехэ* 'громадный'; *муухай сэбэр (дууй)* 'очень красивая (песня)', дословно получается: *некрасивая красивая песня*.

Нэгээгүй 'бесшабашный, беспардонный'. Может входить в предложения в роли выделительной частицы: *нэгээгүй хайн тура* 'исключительно красивый дом'.

Зүдэг ‘позорный, постыдный’. Употребляется в значении «очень, совсем»: *зүдэг муухай* ‘очень грязный’, *зүдэг ядашоо* ‘очень затрудняется’.

Хэсүү ‘трудный, тяжелый, тяжкий; тяжело, тяжко’: *Тэрэ хүниие харахань хэсүү байба* ‘Тяжело было смотреть на этого человека’. В составе предложения может употребляться в значении «очень, слишком»: *Хэсүү олон* ‘очень много’ (слишком много); *хэсүү хуйтэн үдэр* ‘очень холодный день’; *хэсүү хайханаар бэшэхэ* ‘очень красиво писать’.

Зүдэр ‘замечательный, отличный’. Употребляется иногда: *зүдэр муу* ‘очень плохой’; *зүдэр хайн* ‘очень хороший’.

Зэбүүсэмэ ‘отвратительный, омерзительный, мерзкий’. Также может употребляться в значении «очень»: *зэбүүсэмэ харанхы* ‘очень темно’; *зэбүүсэмэ зузаан* ‘очень густой, дремучий (о лесе)’.

Наргама ‘яркий, ослепительный’: *Нюдэ наргама сахилгаан ялагад гэбэ* ‘Блеснула ослепительная молния’. Употребляется как усилительное слово *весьма, исключительно*: *наргама хайхан* ‘очень красивый’, *наргама харуул* ‘исключительно светлый’.

Зүггүй ‘беспутный (о человеке), никчемный’. Это слово образовалось от нейтрального существительного *зүг* ‘направление’. Прибавление отрицательной частицы *-гүй* придало слову способность давать качественную характеристику человеку, а также предметам неживой природы: *зүггүй үгэ бу дуугара* ‘не говори ерунды’; *зүггүй хүн* ‘бестолковый человек’. Ср.: *газардаха* ‘оказаться в тяжелом положении’ — *газардахагүй* ‘ловкий, изворотливый’; *жэшэдхэхэ* ‘сравнивать, сопоставлять’ — *жэшэдгүй* ‘несравненный’. Слово *зүггүй* употребляется в значении «очень» при необходимости усиления, выделения отдельных моментов высказывания: *зүггүй амтатай* ‘очень вкусный’.

В значении «очень» употребляются и существительные *лай* ‘беда’ (*лай хүндэ* ‘очень тяжелый’), а также слово *дэмы*. Значение этого слова «вздор, чепуха, нелепость, абсурд»: *дэмы алмай бү хэлэ* ‘не говори чепухи’. *Дэмы* также может употребляться в аналогичных сочетаниях в значении «очень, замечательно, чрезвычайно»: *дэмы даруу* ‘очень спокойный’; *дэмы бэрхэ* ‘чрезвычайно способный’. Слово *дэмы* можно встретить в специальных синтаксических конструкциях, призванных выражать модальное значение невозможности, нецелесообразности: *Тэрээндэ найдаһамнай дэмы* ‘Нечего надеяться на него’; *Үхибүүд бэшэбди, аргадажа дэмы* ‘Мы не дети, не стоит нас уговаривать’.

В синтаксические конструкции, выражающие субъективную модальность, попало слово *балтаһан* с тем же значением «чепуха, ерунда». Это существительное употребляется для выражения иронического сомнения: *Юун балтаһанай мүнгэн байба гээшэб тэрээндэ!* ‘Какие к черту у него деньги!’; *Юун балтаһанай мэдэбэ гээшэб?!* ‘Что (он / она) может знать?!’.

В ряде случаев употребление функционально-модального слова фиксируется в словарях, что свидетельствует о высокой степени освоенности вторичного значения литературной формой языка. Например, наречие *нүгэлтэй*, образованное от существительного *нүгэл* ‘грех’, в функции модального слова приобрело значение «очень» и употребляется уже при положительной характеристике предмета в знак восхищения каким-либо его качеством: *нүгэлтэй*

сайхан дуулав ‘поразительно хорошо спел’, *нүгэлтэй хурдан морь* ‘изумительно быстроногий конь’ [БАМРС, 2 2001: 431].

Сказанное выше свидетельствует о том, что в модальной функции, т. е. в роли выделения, усиления отдельных мест высказывания, выступают те слова (преимущественно прилагательные, наречия, существительные), которые имеют внутренний экспрессивный заряд, по своему содержанию обозначают яркие стороны и проявления исключительных свойств как человеческой личности, так и ряда неживых предметов, в своей семантике содержат способность давать качественную характеристику предмету высказывания.

Следует отметить и то, что перечисленные слова, употребляющиеся в экспрессивном, усилительном значении «очень, чрезвычайно, исключительно», больше употребляются (а иногда только употребляются) в разговорной речи. И это говорит о том, что в связи с изучением модальности больше следует уделять внимания живому разговорному языку, рассматривать разговорную речь с точки зрения взаимодействия книжной и народно-разговорной стихий, привлечения данных диалектологических и фольклороведческих работ. При этом нельзя пренебрегать индивидуально-речевым фактором в формировании языка, ролью отдельных индивидуальностей, потому что объективно-языковые тенденции складываются из субъективно-речевых моментов. Язык — это взаимодействие частных систем, форм слов и конструкций, а разговорная речь — кузница языковых изменений, арена действия человеческого фактора в языке.

Лексическому выражению модальности должны быть посвящены специальные исследования с целью более полного выявления модальных слов и частиц, функционально-модальных слов, находящихся на стадии перехода в модальные слова. Для этого необходимо обращаться к процессам, происходящим в сфере взаимовлияния устных и письменных форм языка, к современной речи бурят разных возрастных и профессиональных групп. Наблюдая за этим живым фондом, можно широко привлекать в круг модальности слова и выражения, которые кажутся по тем или иным признакам перспективными.

Литература

- БАМРС, 2 2001 — Большой академический монгольско-русский словарь / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. Т. 2. Д-О. М.: Academia, 2001. 536 с.
- Верхоленские сказки 1938 — Верхоленские сказки. Иркутск: Восточно-Сибирское кн. изд-во, 1938. 302 с.
- Калягина 2015 — *Калягина И. Г.* Зависимость варианта значения модального слова от контекста его употребления // Вестник Новгородского государственного университета. 2015. № 4 (87): в 2-х ч. Ч. 1. С. 154–158.
- Мөнх-Амгалан 1998 — *Мөнх-Амгалан Ю.* Орчин цагийн монгол хэлийн баймжийн ай. Улан-Батор: Сургалтын Төв, 1998. 370 с.
- Мулаева 2006 — *Мулаева Н. М.* Лексико-грамматические средства выражения модальности в калмыцком языке (возможность, необходимость, достоверность): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Элиста, 2006. 22 с.
- Nuyts, van der Auwera 2016 — *Nuyts Jan; van der Auwera Johan.* The Oxford Handbook of Modality and Mood. Oxford: Oxford University Press, 2016. 670 p.
- Панков 2003 — *Панков Ф. И.* Еще раз о грамматике и семантике модальных слов (фрагмент лингводидактической модели русской морфологии) // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2003. № 2. С. 59–74.

- Пюрбеев 1981 — *Пюрбеев Г. Ц.* Категория модальности и средства ее выражения в монгольских языках // Вопросы языкознания. 1981. № 5. С. 25–30.
- Русская грамматика, 2 1980 — Русская грамматика в 2-х т. / под ред. Н. Ю. Шведовой. Т. 2. М.: Наука, 1980. 709 с.
- Шахматов 1941 — *Шахматов А. А.* Синтаксис русского языка. 2-е изд. Л.: Учпедгиз, 1941. 620 с.
- Шевернина 1980 — *Шевернина З. В.* Функционально-семантические значения модальных частиц в монгольском языке // Вопросы грамматической системы монгольских языков. Элиста, 1980. С. 20–31.

References

- Folktales of the Upper Lena Valley. Irkutsk: Eastern Siberia Book Publ., 1938. 302 p. (In Russ.)
- Kalyagina I. G. Dependence of modal word meaning on its usage context. *Vestnik of Yaroslav the Wise Novgorod State University*. 2015. No. 4 (87). Part 1. Pp. 154–158. (In Russ.)
- Mulaeva N. M. Kalmyk Lexical and Grammatical Modality Means: Possibility, Necessity, Certainty. Cand.Sc. (philology) thesis abstract. Elista, 2006. 22 p. (In Russ.)
- Mönkh-Angalan Yu. Existential Threats to Modern Mongolian. Ulaanbaatar: Surgaltyn Töv, 1998. 370 p. (In Mong.)
- Nuyts J., Auwera J. van der. The Oxford Handbook of Modality and Mood. Oxford: Oxford University Press, 2016. 670 p. (In Eng.)
- Pankov F. I. Grammar and semantics of modal words revisited: a case study of one linguodidactic model from Russian morphology. *Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology*. 2003. No. 2. Pp. 59–74. (In Russ.)
- Pyurbееv G. Ts. (ed.) Unabridged Academic Mongolian-Russian Dictionary. Vol. 2: Д–О. Moscow: Academia, 2001. 536 p. (In Mong. and Russ.)
- Pyurbееv G. Ts. Mongolic languages: category of modality and its means. *Voprosy Jazykoznanija*. 1981. No. 5. Pp. 25–30. (In Russ.)
- Shakhmatov A. A. Russian Syntax. 2nd ed. Leningrad: Uchpedgiz, 1941. 620 p. (In Russ.)
- Shevernina Z. V. Functional-semantic meanings of Mongolian modal particles. In: Mongolic Languages. Issues of the Grammatical System. Elista, 1980. Pp. 20–31. (In Russ.)
- Shvedova N. Yu. (ed.) Russian Grammar. In 2 vols. Vol. 2. Moscow: Nauka, 1980. 709 p. (In Russ.)